

А.В. НИКИТИНА

исследователь, преподаватель-исследователь,
сотрудник ООО «Информационно-консалтинговая
компания «Религия сегодня»,
Россия, г. Тверь

К ВОПРОСУ О ПОСЕЩЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЕПИСКОПОМ РЯЗАНСКИМ ИОНОЙ: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В российской историографии сложилась определенная традиция повествования о некоторых фактах, предшествующих установлению автокефалии Русской Православной Церкви. Традиция эта, заложенная учеными XVIII-XIX вв., в ходе развития российской исторической науки, отразилась и на современной трактовке отдельных событий. Данная статья рассматривает один из таких вопросов: поездку епископа Ионы Рязанского в Константинополь за благословением Патриарха на русскую митрополию. На основе историографического анализа и применения метода сравнительно-исторического исследования, автор статьи предлагает пересмотреть укоренившуюся в исторической науке традицию рассмотрения данного вопроса, являющегося важным в процессе установления исторических фактов, относящихся к некоторым моментам истории Русской Церкви. Статья представляет собой компендиум исторического исследования, приводящего к идее о неактуальности некоторых научных построений для современной исторической науки.

Ключевые слова: историография, митрополит Иона, Константинополь, русская церковь в середине XV века, Константинополь в XV веке, Флорентийская Уния.

Объектом настоящего исследования являются события, относящиеся к церковно-государственной истории Руси, происходившие в период 30-50-х гг. XV века. Этот период сложен для изучения: по отдельным вопросам установления автокефалии Русской Церкви после Флорентийской унии 1439 года (далее – Уния) пока не выработана цельная последовательная гипотеза. В XV в. союз с Западом выпивает последние силы из ослабленного Константинополя, обманутого перспективами, обещанными Унией,

а для Руси XV в. стал началом пути сильного государства во главе с Москвой. Летописная переработка событий XIV-XV веков не только заложили в русскую историческую память отдельные «веховые» события в переработанном виде, сформировали особую политическую мысль Москвы, но и отразились на формировании историографической традиции.

Считаем открытым вопрос о посещении Константинополя (с целью поставления на русскую митрополию) епископом Рязанским Ионой, и о получении им патриаршего благословения.

В XVIII веке историки впервые обращаются к изучению Унии, ее восприятия на Руси и участникам Флорентийского собора 1438-1439 гг. (далее – Собор), однако исключительно в провластном ключе (вспомним беспокойства XVIII века в Европе и самой России). Труды XVIII века скорее напоминают панегирики первым российским государям, сохранившим чистоту православия и поднявшим из пепла погибшей империи Новую Империю, Российскую. Дворянская историография XIX века имела ангажированный характер, что объясняется духом времени. Труды дворянских историков основывались на поздних исторических источниках, имеющих «промосковский» характер, а в части об Унии – пересказывали С. Сиропула, создававшего свои «Воспоминания...» в период клановой вражды в Константинопольских церковных кругах 40-60-х гг. XV в. [12. С. 5], когда переосмысление итогов Собора для некоторых его участников стало залогом обретения власти.

Труды дворянских и церковных ученых XVIII-XIX вв. сформировали особую историографическую традицию. В начале XX в. российская историография не рассматривала подробно историю Церкви, а особенно узкие темы, такие как история проставления первого русского митрополита, как результат – построения историков предыдущих веков без должного критического пересмотра, по инерции, реципировались наукой XX в. и продолжили свое развитие в современной исторической науке, когда Русская Церковь вновь приобретает значение и силу консолидирующего духовного маяка. Процесс преодоления сложившейся историографической традиции, даже сейчас, учитывая количество новых научных трудов и большой интерес современных исследователей к истории общерусского летописания и зарождения политической мысли Московского княжества, вызывает серьезные затруднения. Однако более подробный обзор историографии превысил бы рамки статьи. К настоящему времени сформировался круг представителей «канонической гипотезы», продолжающей традиции XVIII-XIX вв., относительно установления автокефалии Русской Церкви и событий, к ней приведших, характера восприятия Унии на Руси и сопутствующих документов. Суть «канонической гипотезы» в части, затронутой нашим исследованием, тезисно определяется следующим:

– митрополит Иона ездил в Константинополь (о деталях поездки, периоде поездки у ученых пока нет единого мнения), где был объявлен Патриархом преемником Исидора, которого греки поставили на русскую митрополию только лишь с расчетом продвижения Унии в русских княжествах;

– в письме [11] Василия II сообщается, что Ионе были озвучены условия замещения им митрополии, если Исидор умрет, или если что-то другое случится с ним [11] (эта формулировка имеет «каучуковую» форму).

Эти тезисы соответствуют вышеозначенной историографической традиции, общим положениям поздних летописных, агиографических и полемических исторических источников, сформированных в период идеологической обработки общерусских летописей и документов, а также отражают московскую политическую мысль XV в.

Представителями «канонической» гипотезы в наши дни можно назвать (насколько позволяют допустимые рамки работы) митр. Макария (Булгакова) [9], А.Е. Тарасова [13. С. 392-398], О.А. Абеленцеву [2], архимандрита Макария (Веретенникова) [10], А.А. Зимина [6] и др.

На данный момент, как в русской, так и в зарубежной историографии развивается гипотеза о коррекции некоторых источников об установлении автокефалии Русской Церкви, обусловленной процессом возвышения Москвы и создания общерусского летописания. Я.С. Лурье [8], М. Чернявский [14. Р. 347-359], А.Г. Бобров [4], В.Е. Зема [5] и другие представители русской и зарубежной историографии, подвергают повторному анализу некоторые тезисы «канонической» гипотезы, в том числе и вопрос о посещении Константинополя Ионой.

XV в. по праву является временем интеллектуального всплеска на Руси, эпохой «хронографического взрыва». Московские власти интерполируют в летописание летописные сюжеты, содержание которых совпадает с московской идеологией. Практически во всех «канонических» исследованиях привлекаются к анализу образцы московского летописания, комплекс антифлорентийских нарративов, полемические сочинения против латинян, создававшиеся в конце XV-XVI вв., житие Ионы Рязанского (что с трудом можно признать серьезным историческим источником), письма Василия II в Константинополь (подлинность которых убедительно оспорена Я.С. Лурье) и другие источники, имеющие комплексный состав и позднюю датировку [8]. Привлечение к исследованию исключительно тех источников, показания которых совпадают с собственной гипотезой исследователя, видится не совсем корректным. Поскольку результатом такого исследования может стать восприятие фактов в их «московской политической трактовке» [8. С. 12-13]. Прежде всего, стоит определить время создания источника и степень его вовлеченности в идеологию отдельных государственных образований, в нашем случае – Московского княжества.

В «канонических» работах ученые ссылаются на эпизод в истории Руси, когда митрополиту Пимену также была обещана митрополия, если митрополит Киприан скончается раньше него [1. С. 180]. Однако этот эпизод можно использовать и для рассуждений «от противного»: с учетом «хронографического взрыва» и истории формирования московской политической мысли в XV в., не исключено, что некоторые ранние известия, повествующие о самостоятельном поставлении митрополита (Григорий Цамблак), без константинопольского участия и эпизоды с авансовым благословением на митрополию (митрополит Пимен) были заимствованы великокняжеским летописанием и использованы для создания легенды о путешествии Ионы в Константинополь, подтверждающем его права на русскую митрополию. В.Е. Зема также отмечает коннотации между грамотами Цамблака и Ионы: «... «Ставленная Грамота», подтверждающая избрание Цамблака... зафиксирована также в летописных списках... Обратим внимание на то, что между «Посланием Ионы»... и «ставленной грамотою» Цамблака обнаруживаются некоторые параллели, фиксирующиеся также в позднейших антиунийных текстах...», опровергает В.Е. Зема и построения О.А. Абеленцевой [5. С. 400]. С учетом данного подхода, и духовная грамота князя Василия Васильевича Галичского уже не кажется убедительным доказательством прав Ионы на митрополию в 30-х гг. XV в.: расположение этого документа (после документов конца XV в.), а также незначительность фигуры Галичского князя, отсутствие других его очевидных связей с Ионой, а «автограф» Ионы в конце этой грамоты имеет такую же «доказательную силу», как и его сообщения в окружных посланиях о том, что он благословлен на русскую митрополию в Константинополе [8. С. 93-108]. Е.В. Белякова также сомневается в правдивости источников, упоминающих поездку Ионы в Константинополь за поставлением: то это подано как состоявшийся факт, то – как простое упоминание, то это выглядит как пророчество [3. С. 296]. В свете этих рассуждений, не лишенной оснований кажется мысль о том, что Василий II потому и согласовал назначение Ионы на митрополичий престол не в 30-е гг., а только к концу 40-х гг. XV века, поскольку был обижен на Иону (за помощь Шемяке) и занимался поиском подходящего претендента на эту должность в обход Ионы, однако, не преуспел в этом.

Впервые в источниках сообщения о поездке Ионы в Константинополь появляются в Степенной книге, составленной на основе жития Ионы, помещенного в Великих Четьях Минеях, затем появляются в его посланиях, как только в Литве появляется митрополит Киевский и всея Руси Григорий [7]. Содержание окружных писем митрополита Ионы показательно: его послания, датируемые 1451-1461 гг., имеют оборонительный характер [11]. Горячее противление проникновению на русскую митрополию любых, связанных с митрополитом Исидором лиц и идей сигнализирует о шаткости положения новоизбранного митрополита.

К тому же, в летописях, вплоть до известия о наречении Ионы (в 1448 году), нет никаких упоминаний, где хоть как-то читались бы его права на митрополию после Фотия. Единственный сюжет, где упоминается политическая активность Рязанского архиепископа до назначения на митрополию – это эпизод с переговорами с Шемякой.

Возникает вопрос: если все эти документы были сфабрикованы для подтверждения прав Ионы на занятие митрополии (что выглядит делом хлопотным), то почему московские летописцы просто не сфабриковали соборное решение о назначении Ионы?

Отсутствие соборного решения о назначении Ионы лишний раз подтверждает гипотезу о позднем и нарочном добавлении известия о его путешествии в Константинополь: в период принятия решения о назначении собственного митрополита характер сотрудничества Руси и Византии оставался смутным, нарастала неопределенность в Константинополе после Унии, углубленность греков в свои внутренние проблемы. В свете этих событий, решение о посягательстве на полномочия Патриарха, которое могло вызвать серьезное противостояние и в русских церковных кругах (а конфликтов на тот момент было уже достаточно), не говоря уже о реакции Византии (о кризисе в церковных кругах которой вероятно еще не догадывались на Руси), по причине своей рискованности, далось Василию II нелегко. Именно поэтому, «доказательства» поездки Ионы в Константинополь имеют такой фрагментированный характер: подлог такого значительного документа как соборное решение мог сыграть против Московского князя и спровоцировать серьезные конфликты, тогда как постепенное внедрение небольших известий и документов, имеющих поначалу невнятный характер и постепенное развитие темы в летописях, дало бы возможность доработать комплекс легитимирующих поставление сказаний и идею о фактическом закрытии вопроса о вакантной митрополии.

Предполагаем, что в период принятия решения об окончательной сепарации от константинопольского Патриархата, русскими был начат процесс формирования комплекса документов, легитимирующих поставление Василием II собственного митрополита. В пользу этой гипотезы говорят не только отдельные источники, имеющие спорное содержание и подозрительное расположение в конволютах, но и компаративный анализ летописей. С учетом мнения Я.С. Лурье о необходимости критического подхода к источникам и дискуссии в историографии, были проанализированы показания летописей за период 1437-1453гг. Этот анализ не удалось разместить в данной статье, однако результаты его показательны: чем позже датирована летопись, чем «ближе» она к Москве – тем более обширно и негативно сообщение о Соборе, тем более пространно сообщение о поставлении Ионы и всегда постфактум упоминается его поездка в Константинополь. Чем старше летопись и «дальше» от Москвы, тем скуднее сведения об Ионе,

некоторые летописи вообще не проявляют к нему никакого интереса, буднично сообщая и об Исидоре, и о Соборе, не сгущая никаких красок. Возникает вопрос: почему, если летописи так агрессивно корректировали в промосковском ключе, известие о путешествии Ионы в Константинополь не поместили под теми годами, под которыми, как считается, это событие состоялось? Почему это событие его биографии упоминается постфактум, или используется в качестве вспомогательного средства подтверждения его прав на распоряжение делами митрополии (например: в летописном известии о поставлении митрополитом Феодосия)?

Видится, что поездка Ионы в Константинополь с целью занятия русской митрополии – дискуссия еще не закрытая, требующая новых изысканий и более критического подхода к историческим источникам. Как было продемонстрировано ранее, доводы представителей «канонической» гипотезы о посещении Ионой Константинополя и его правах на митрополию с 30-х гг. XV в. могут быть также использованы и для опровержения этой же гипотезы, что делает эти построения не убедительными. Новые исследования по истории русского летописания, появившиеся во второй половине XX века, не позволяют уже с такой легкостью относиться к избираемым для научного построения источникам, что было простительно для XVIII или XIX вв., уходит историческая наука и от ангажированности, поэтому и традицию трактовки исторических фактов (особенно, относящихся к ключевым моментам российской истории), стоит со временем подвергать повторному анализу. Предполагаем, что в перспективе историография постепенно станет уходить от традиций XVIII-XIX вв. и обратит внимание, прежде всего на качество и состав источников, используемых в исследованиях, поскольку начало этому уже было положено во второй половине XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абеленцева О.А.* К вопросу об избрании преемника митрополита Ионы // Исследования по истории средневековой Руси. 2006.
2. *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. Москва, Санкт-Петербург, 2009.
3. *Белякова Е.В.* Учреждение автокефалии Русской Церкви в политической мысли XV-XVI вв. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Межд. сем. истор. исслед. «От Рима к Третьему Риму». Москва, 1995.
4. *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. Санкт-Петербург, 2000.
5. *Зема В.Е.* Флорентийская уния и автокефалия Московской церкви // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46.
6. *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. Москва, 1991.

7. Лурье Я.С. Иона // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 1: А-К. Ленинград, 1988 // <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3992>.
8. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Санкт-Петербург, 1994.
9. Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. III. Москва, 1995.
10. Макарий (Веретенников), Архимандрит. Митрополиты Древней Руси (X-XVI века). Москва, 2016.
11. Русская историческая библиотека. Санкт-Петербург, 1880. Т. 6. № 62; № 71; № 73; № 78; № 80; № 81; № 82; № 84; № 85; № 86; № 87; № 88; № 89; № 90.
12. Сиропул С. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438-439): в 12-и частях. Санкт-Петербург, 2010.
13. Тарасов А.Е. Иона // Православная энциклопедия. Москва, 2010. Т. 25.
14. Cherniavsky M. The Réception of the Council of Florence in Moscow // Church History. Cambridge University Press, 1955. Vol. 24.

A.V. NIKITINA

Researcher, teacher-researcher,
employee of LLC "Information and Consulting
Company "Religion Today", Tver, Russia

TO THE QUESTION OF BISHOP JONAH OF RYAZAN'S VISIT TO CONSTANTINOPLE: SOURCES, HISTORIOGRAPHICAL TRADITION AND PERSPECTIVES

In Russian historiography considered a certain tradition of narrating about certain facts that preceded the establishment of autocephaly of the Russian Orthodox Church. This tradition, which was laid down by scientists of the 18th-19th centuries, in the course of the development of Russian historical science, was reflected in the modern interpretation of some events. This article examines one of such issues: the trip of Bishop Jonah of Ryazan to Constantinople for the blessing of the Patriarch to the Russian metropolis. Based on the historiographical analysis and application of the method of comparative historical research, the author of the article proposes to revise the tradition of considering this issue, which is rooted in historical science, which is important in the process of establishing historical facts related to certain moments in the history of the Russian Church. The article represents a compendium of historical research leading to the idea that some scientific constructions are irrelevant for modern historical science.

Key words: *historiography, Metropolitan Jon, Constantinople, Russian metropolis in the first half of the 15th century, Russian church in the middle of the 15th century, Constantinople in the 15th century, Florentine union.*